

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАСОНСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Масонство было привнесено в Россию с Запада. Явившись, таким образом, ещё одним новшеством, оно тем не менее было востребовано русской общественностью и оставило значительный след в истории мысли.

В исторической традиции наблюдается достаточно широкий диапазон версий по поводу времени проникновения масонских идей в Россию: с конца XVII века до 50-х и даже начала 70-х годов XVIII века. Некоторые исследователи указывают на связь первых упоминаний масонства в нашей стране с именем Петра I [1]. Несомненно, личность великого реформатора, его проевропейская ориентация в проведении преобразований как нельзя лучше вписываются в подобную трактовку. Но, согласно документальным свидетельствам, начало масонства в России датируется 1731 годом: в этом году Джон Филиппс, находившийся на русской службе, получил назначение от гротмейстера Великой Лондонской ложи в качестве провинциального великого мастера «для всей России». Он распространял масонские идеи в узком кругу своих соотечественников. Первые вступления русских людей в масонский союз относят к 1740 году, когда был назначен новый гротмейстер для России – генерал Джеймс (Яков) Кейт. Имеется упоминание ложи, управляемой Кейтом, относящееся к 1732 году. Указано также, что эта ложа собиралась в близости «теперешнего Аничкова моста» [2]. Джеймс Кейт был принят на русскую службу в чине генерал - майора в феврале 1728 года по рекомендации испанского посла при российском дворе герцога Дука де Лирия. В 1747 году он «взял абшид» и поехал в Англию. В.А. Нащокин в своих «Записках» даёт высокую оценку личным и служебным качествам Кейта, заметив, что «с толикими от Бога дарованиями

редко в рождении человек бывает» [3]. Вольные Каменщики, по-видимому, тоже высоко ставили заслуги Кейта, посвящая ему хвалебные песни. Отрывок из подобной песни, помещённой в сборнике масонских песен первой четверти XIX века, приводит в своей работе С.В. Ешевский:

*По нём (по Петре Великом) светом
озарённый*

Кейт к россиянам прибеж;

И усердием воспалённый

Огнь священный здесь возжѣг.

Храм премудрости поставил,

Мысли и сердца исправил

И нас в братстве утвердил.

Кейт был образ той денницы,

Светлый коея восход

Светозарныя царицы

Возвещает в мир приход... [4].

Упоминание Кейта в данном отрывке свидетельствует о том, что во время его гротмейстерства в ложах принимали участие и русские братья. Примечательно также обращение к личности Петра I в этой песне. Русские масоны высоко оценивали деяния Великого реформатора. В своих преданиях они связывали начало масонства в России с его именем [5]. Тогда, как записано в донесении Розенкамфа и Фесслера, «работы масонские» «под названием Тамплиеров были» [6]. Достоин упоминания тот факт, что Пётр I познакомился с Джеймсом Кейтом во время своего пребывания во Франции в 1717 году и даже приглашал его на русскую службу, но тот отказался. Однако это также не может служить доказательством масонства Петра I. Скорее следует говорить о том, что благодаря петровским реформам были созданы условия для проникновения западных идей в Россию, для распространения европейских образцов поведения в русском обществе.

Установив тесные контакты с европейскими державами, прорубив «окно в

Европу», привлекая в Россию иностранных специалистов, Петр I обусловил тем самым проникновение западного культурного элемента в жизнь русского общества. Иностранцы привозили с собой не только опыт и знания, но и продолжали вести привычный для них образ жизни. Видимо, одной из таких «привычек» и было участие в масонских ложах. Это вполне объясняет, почему в первые десятилетия своего существования в России масонство распространялось в основном среди иностранцев. Примером тому может служить история с ложей в Петрозаводске, относящаяся ко времени правления Павла I, но отражающая определённую тенденцию распространения масонских лож в XVIII веке. Так, в донесении новгородского губернатора Митусова за 1797 год значится, что в Петрозаводске была обнаружена ложа, состоящая из 20 членов, «по большей части англичан и немцев, находящихся там на литейном пушечном заводе» [7]. «Масонские дипломы служили отличными паспортами для проникновения в среду петербургской иностранной колонии» для вновь прибывших иностранцев [8]. Впоследствии, когда прибывшие на русскую службу стали обзаводиться новыми знакомствами в обществе Москвы и Петербурга, информация о масонстве стала распространяться и среди русских, после чего и они начинают вступать в ложи. Не случайно поэтому, что первые ложи возникают в Петербурге, где количество иностранцев было значительно выше и они пользовались большей свободой, чем в древней столице. В Москве же масонские мастерские распространяются с 1770-х годов.

Кроме того, преобразования Петра Великого способствовали европеизации русской культуры. Одним из европейских новшеств стали ассамблеи. Их учреждение можно рассматривать в качестве попытки внедрить практику светского обхождения, умение общаться, беседовать на «отвлечённые» темы. И хотя «ассамблеи напоминали своеобразную светскую службу» [9] и основное внимание

на них уделялось танцам, это был первый опыт общественного развлечения, способствовавший созданию групп «по интересам», что впоследствии приведёт к стремлению «уединиться» в узком кругу единомышленников.

Благодаря Петровским преобразованиям повысился образовательный уровень дворянства. Отпрыски дворянских родов получили возможность обучаться за границей, где они впервые знакомились с идеями европейского просвещения. По мнению Иванова-Разумника, «петровская революция... дала первый толчок к образованию внесловной и внеклассовой интеллигенции. Дворянство помимо своей воли вынуждено было войти в жизнь Европы...» [10]. Таким образом была сделана «прививка европейского просвещения», не оставшаяся без последствий и давшая о себе знать при преемниках Петра I, особенно во второй половине XVIII века, когда масонство достигает наивысшего расцвета.

Следует отметить, что проникновение масонства в Россию совпадает по времени с его распространением на континенте. Родиной спекулятивного, иначе говоря, гуманистического и символического масонства считается Англия. 1717 год – отправная дата его истории. Но не следует забывать, что это - начало второго этапа развития Вольного Каменщичество. Масонство оперативное, то есть строительные цеха и гильдии, имеет более древнюю историю, ведя своё происхождение от средневековых корпораций. Отсюда такая богатая строительная символика и этика, сохранённая в умозрительном масонстве, как, впрочем, и само название - «Вольное (или Свободное) Каменщичество».

В 1717 году в Англии была образована первая Великая ложа, члены которой не имели никакого отношения к профессии строителей. Это было объединение в основном выходцев из аристократических слоёв общества, видевших своей целью содействие распространению более нравственной жизни. В 1723 году основные постулаты масонства были за-

фиксированы в Книге Конституций, составленной пресвитерианским пастором, доктором богословия Джеймсом Андерсоном. Её можно считать первым масонским уставом, в котором была определена позиция масонов по отношению к «внешнему миру»: к религии, к государству и правительству – и основные принципы их деятельности. Таким образом, идеи Вольных Каменщиков получили документальное оформление. Начиная с этого времени, масонство распространяется во Франции (с 1725 года), в Испании (с 1728 года), в Германии (с 1733 года) и в других странах, охватив Европу «как пламя сухой стог сена» [11]. Проникает масонство и в Россию.

Некоторые исследователи ставят под сомнение наличие в России условий, необходимых для распространения масонских идей, утверждая, что для этого не было никакой основы, что масонство так и не смогло утвердиться на русской почве [12]. Наиболее ёмко эту мысль сформулировал немецкий исследователь Георг фон Раух: «Масоны в России? Могло ли это типично западноевропейское образование, выросшее из традиции средневековых строительных корпораций, этот продукт европейской духовной и социальной жизни вообще развиваться на фундаменте византийско – татарской автократии?» [13] Ответом на его вопрос является факт всё возрастающего интереса в обществе к масонству и как следствие этого – увеличение числа русских в ложах 50-60-х годов XVIII века.

Распространение масонства в России свидетельствует о том, что его идеи соответствовали духу времени, отвечали нравственным запросам общества. Вполне закономерно, что для разрешения назревших противоречий, в поиске ответов на вопросы нарождавшейся интеллигенции, происходит обращение к европейскому опыту. В данном случае следует учитывать уровень образования в России второй половины XVIII века, соответствие нравственных потребностей и имеющихся возможностей для их удовлетворения.

Для понимания своеобразия общественного развития России указанного периода необходимо вновь обратиться к петровским преобразованиям.

Начиная со времени Петра I, происходят значительные изменения в области образования. Сам реформатор, как известно, много способствовал повышению образовательного уровня населения. При нём были созданы первые светские школы. Правда, знания, которые должны были получать ученики этих школ, имели в большей степени практическую направленность. Не было создано системы народного образования, не было единого руководящего центра, единых программ, не было учителей, способных привить любовь к учению. Но была огромная потребность в решении насущной задачи: получении грамотных специалистов, способных ковать вместе с императором мощь державы. При Петре I начинается распространение научных знаний, в основном прикладного характера. Была создана первая Академия наук, первая газета «Ведомости», введён новый, гражданский шрифт, сделавший книгу более доступной. Изменяется и характер книги, расширяется круг чтения. Если в конце XVII века печатались исключительно церковные книги, то теперь русский читатель получает в своё распоряжение учебники, научные издания, романы, в том числе и переводные пьесы. Всё это приводит к развитию общественной мысли, нашедшей отражение в трудах И.Т. Посошкова, Феофана Прокоповича. Таким образом закладывается основа для дальнейшего просвещения нации.

При проведении этих новшеств в жизнь реформатор постоянно обращается к западному опыту, поскольку иначе было бы невозможно такими быстрыми темпами форсировать развитие нашей страны, поставить её в один ряд с европейскими державами. В это время и берёт своё начало традиция использования западных образцов. Правда, это не было бездумным заимствованием, нельзя сказать, что «честью и достоинством россиян сделалось подражание» [14] в полном смысле этого слова. Бралась лишь форма,

получавшая в России новое наполнение, соответствующее своеобразию общественного развития. Кроме того, реформы Петра I привели к тому, что «преобразованная культура стала отчётливо государственной, выполняя... определённые государственные функции по обслуживанию потребностей власти самодержца» [15], что обусловило стремление передовой общественности второй половины XVIII века найти иную сферу для самовыражения, независимую от желаний власти. Начинания Петра были продолжены при его преемниках.

В 30-50-е годы появляются закрытые дворянские военно – учебные заведения (в частности, в 1731 году был основан Сухопутный шляхетский кадетский корпус), складывается система дворянского сословного образования [16]. Наблюдаются важные сдвиги в литературе, искусстве, науке. Были основаны первый университет, Академия художеств. Сухопутный шляхетский корпус и Московский университет сыграли важную роль в развитии мысли: первый может быть обозначен как «рассадник культуры дворянской аристократии» [17], сыгравший «важную роль в развитии дворянского самосознания на основе европейских представлений о социальной роли благородного сословия» [18], второй стал центром формирования передовой общественности и плацдармом для деятельности масонов в 80-е годы XVIII века.

Меры, предпринятые в сфере образования в первой половине XVIII века, приводят к тому, что в России появляется слой высокообразованных дворян и происходит дальнейшее развитие российской общественной мысли, которая формулирует новые вопросы и, не находя ответов, вновь обращается к западным образцам. Ко времени правления Елизаветы Петровны относится увлечение всем французским, в том числе и идеями французских просветителей, получивших широкое хождение в России при Екатерине II, которая считала себя их ученицей. Двор при Екатерине не только «обычаями» и «внешностью» напоминал

парижское общество [19], но «каждый русский, читающий по - французски, носил книгу в своём кармане, словно молитвенник или катехизис. Особы высшего круга не только бредили Вольтером и божились не иначе как его именем. Прочитав его, они считали себя обладателями знаний самобытных и всесторонних...» [20]

Европейские просветители постепенно завоёвывали авторитет в русском обществе 60-70-х годов. Мысли об общественном договоре, разделении властей, главенстве закона и гарантии политических свобод граждан со стороны просвещённых монархов будоражили умы общественности. «Наказ» Екатерины вселил в сердца передовых мыслителей надежду на воплощение в действительность новых идеалов. Но, как известно, «Наказ» так и остался рекомендацией к действию. Идеи, предложенные в нём императрицей, не были в полной мере восприняты делегатами Уложенной комиссии, деятельность которой зашла в тупик из-за возникших споров и консервативности её участников. Впоследствии и сама императрица отказалась от них. Мысли французских просветителей о свободе и равенстве оказались радикальными для дворян, которые в основном отличались консервативными взглядами. В своих «либеральных» воззрениях они не доходили до отмены крепостного права, существование которого входило в явное противоречие с идеями просвещения.

Идеология французских просветителей привела многих «вольтерианцев» в масонские ложи. Первый русский гроссмейстер, основатель масонской системы И.П. Елагин «прилепился к писателям безбожным...». Буланже, Даржанс, Вольтер, Руссо, Гельвеций стали на какое-то время его «учителями и проповедниками» [21]. Известный масон И.В. Лопухин до вступления в ложу «охотно читывал Вольтеровы насмешки над религиею, Руссовы опровержения и прочие подобные сочинения» [22]. Н.И. Новиков принимал участие в переводе трудов энциклопедистов. Но в определённый момент

все они оказались на распутье между верой и безверием, официальной церковностью и «вольнодумством». Не найдя исковой опоры в первой и разочаровавшись в последнем, они выбрали третий путь – масонство.

Далеко не все идеи французских просветителей находили сторонников в русском обществе. Особенно болезненно воспринимались выпады Вольтера в адрес церкви. В этом сказалась глубокая религиозность русских людей. Некоторые исследователи указывают на то, что распространению масонства в России рассматриваемого периода много способствовал идеологический кризис и как его составляющая – кризис церковности, начавшийся ещё в XVII веке [23]. Церковная реформа, проведённая в России в XVIII веке, лишила православную церковь её прежнего исключительного влияния на общество. Превращение священнослужителей в «чиновников в рясах», несомненно, привело к утрате ими бывшего авторитета. А провозглашённая Петром I и Екатериной II веротерпимость привела к всё возрастающему влиянию западных идей на русское общество.

Следует также отметить, что людей верующих и придерживающихся строгой морали ужасали господствующие нравы. Иностранные и русские мемуаристы оставили свои впечатления о современном им обществе. Согласно свидетельству Г.С. Винского, в это время «нравы начинали умягчаться, но с тем вместе и распута становилась виднее», «была приметна роскошь», и корыстолюбие «со всем своим пламенем...имело всю свою деятельность» [24]. Кроме того, он отмечает невежество дворян, которые не только не стыдятся его, но «почитают своим правом. Человек со сведениями не только не уважается, но, можно сказать, некоторым образом обегается... Хотя и будет он терпим, но в доверенности не будет никогда» [25]. Е.Р. Дашкова в своих «Записках» также отмечает, что «придворная атмосфера губительна для честных людей» и «правду при дворе говорить опасно» [26]. Причём подобное впечатление двор оставлял не только у рус-

ских. Ш. Массон, француз на русской службе, указывает также, что «в России при дворе и особенно у сановников часто преуспевает самый наглый, бесчестный... Человек здравомыслящий, с благородной душой и развитым умом, не понравится при дворе» [27]. Повсеместно процветали пьянство, разврат. Это было характерно не только для столицы, но и для провинции. Так, Г. Добрынин повествует о том, каким забавам предавалась «подпора отечества» в Могилёве [28]. Положение усугублялось тем, что и «вера начинала слабеть...Чему виною можно поставить теснейшее сообщение с иностранцами и начавшие выходить в свет сочинения Вольтера, Ж.Ж. Руссо и других, которые читались с крайней жадностью» [29].

В данной обстановке некоторые священнослужители также оказывались не на высоте, были подвержены пагубным привычкам, что можно видеть из записок Г. Добрынина. В частности, им были не чужды «обеда и вечеринки с хором певчих до бела-света», злоупотребление спиртным доходило до того, что «телесные их лица потеряли образ свой и подобие» [30], к этому добавлялась страсть к подаркам, а также жестокость в отношении других лиц.

Пытливый ум и истинная вера не могли претендовать на симпатии и понимание при дворе. Это приводило к поиску новых форм для воплощения нравственных запросов и выплеска нереализованной религиозности. Поэтому не случайно взоры многих образованных людей обращались в сторону масонства, предлагавшего универсальные идеи: братство, гуманность, нравственное самосовершенствование, которые можно было трактовать достаточно широко.

Таким образом, начиная со времени петровских преобразований, складываются условия для проникновения и распространения масонских идей в русском обществе. Реформы в сфере просвещения приводят к повышению образовательного уровня российского дворянства, а дарование свободы от обязательной службы в 1762 году способствует созданию «мира

дворянской усадьбы», вследствие чего возрастают нравственные потребности, возникает общественная мысль, ищущая сферы для самовыражения независимо от власти. Распространение идей европейских просветителей приводит к поиску альтернативы, позволяющей реализовать религиозные чувства, а господствующие нравы побуждают к бегству в узкий круг

единомышленников. Для некоторых выдающихся людей это становится поводом для вступления в масонские ложи. В результате происходит увеличение числа масонских мастерских в 70-80-е годы XVIII века, и деятельность Вольных Каменщиков достигает небывалого размаха, что позволяет говорить о расцвете масонства в указанный период.

Библиографический список

1. См. об этом: Брачёв В.С. Масоны и власть в России (XVIII – первая четверть XIX в.). СПб., 2000. С. 223; Верба И.А. Масонство в России//Школа. 2001. №1(40). С. 37; Лотарева Д.Д. Масонство в системе русской культуры второй половины XVIII – первой четверти XIX в.//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. №6. С. 41; Lennhoff, Eugen. Die Freimaurer. – Geschichte. – Wesen. Wirken und Geheimnis der koeniglichen Kunst. Wien. 1932. S. 162; Schleufer, Karl. Freimaurer in Russland. Von Peter dem Grossen bis Lenin//Eleusis. 1958. №4. S. 165.
2. Сведения, относящиеся к истории русского франкмасонства, извлечённые из Архива Собственной Его Императорского величества Канцелярии, изданные под ред. Н. Дубровина в 1902 г.//Масонство или великое царственное искусство братства Вольных Каменщиков как культуро-исповедание. СПб., 1911. С. 75.
3. Нащокин В.А. Записки В.А. Нащокина//РА. 1883. Кн. 2. Тетрадь 4. С.300.
4. Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 189.
5. Иванова Н.С. К истории масонства в России (перевод с немецкой рукописи)//РС. 1882. Т.35 (сент.). С. 533.
6. Из донесения Розенканфа и Фесслера касательно существующих масонских лож в СПб.//НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 6/М. 1883/. Л. 110.
7. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Ед. хр. 62731.
8. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 32.
9. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 360.
10. Иванов – Разумник. История русской общественной мысли: В 3 т. Т.1. М., 1997. С. 39.
11. Замойский Л.П. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 136.
12. См. об этом: Брачёв В.С. Масоны и власть в России (XVIII – первая четверть XIX в.). С. 538; Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. IV. СПб., 1913. С. 178.
13. Von Rauch Georg. Johann Georg Schwarz und die Freimaurer in Moskau//Befoerder der Aufklaerung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs. Berlin. 1979. S. 212.
14. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991. С.35.
15. См. об этом: Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 1999; Гордин Я. Наследие Петра и судьбы наследников // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 6-21; Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987.
16. Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 363.
17. де Мадариага Исабель. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 142.
18. Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М., 1936. С. 16.
19. Дама Р. Мемуары//Екатерина II и её окружение. М., 1996. С. 253.
20. Записки венецианца Казановы о пребывании его в России. 1765-1766. М., 1991. С. 11.
21. Записка И.П. Елагина//РА. 1864. №1. С. 594.
22. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим//РА. 1884. №1. С.15.
23. См. об этом: Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С. 9; Новиков В.И. Российское масонство: потаённая переключка веков//Общественные науки и современность. 1994. №2. С. 80; Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно - политической и философской жизни России. Дис. ... канд. ист. наук/ Пермский гос. ун-т. - Пермь, 1998. С. 139.
24. Винский Г.С. «Моё время». Записки //РА. 1877. Кн. 1. Тетрадь 1. С. 104.
25. Там же. С. 189.

26. Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой//Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмонт из России // Под общ. ред. С.С. Дмитриева; Вступ. ст. Г.А. Веселовой и С.С. Дмитриева; Сост., коммент. и имен. указ. Г.А. Веселовой. М., 1991. С. 37, 54.
27. Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 137.
28. Добрынин Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанное в Могилёве и Витебске. 1752-1823. СПб., 1872. С. 260.
29. Винский Г.С. Указ. соч. С. 103.
30. Добрынин Г. Указ. соч. С. 42,39.